

АНДРЕЙ КЛИМНЮК

Мой Афган

ЗАПИСКИ ОКОПНОГО ОФИЦЕРА

Андрей Климнюк
Мой Афган. Записки
окопного офицера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21234473

ISBN 9785448321641

Аннотация

«... это не красивая легенда об «афганской» войне, а моя попытка рассказать о нас, простых ребятах, шагнувших слишком рано на порог мужской зрелости... Это книга о нас, о тех, благодаря которым, Советский Союз вынес десятилетнее испытание этой «необъявленной» войной, показав всему миру преданность идеалам и высочайший дух советского солдата». А. Климнюк

Содержание

Об авторе	6
К читателю	8
Глава 1. Офицеры	12
Глава 2. Батальон офицерского резерва	16
Глава 3. Ташкентская пересылка	21
Глава 4. Кабул. Назначение	25
Глава 5. Место службы – Руха (Панджшер)	30
Глава 6. Сопровождение колон по Панджшеру.	68
Мой первый выход. Боевые действия	
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Мой Афган

Записки окопного офицера

Андрей Климнюк

© Андрей Климнюк, 2016

© Андрей Климнюк, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-2164-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОВОСИБИРСК 2014

Книга издана при поддержке ПРАВИТЕЛЬСТВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ и ДЕПАРТАМЕНТА КУЛЬТУРЫ МЭРИИ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА.

От души благодарю за помощь в создании книги:

В. ДЕРЖАВЦА

Б. МОСТОВОГО

А. ПЕЧЕНЕВСКОГО

О. СМЕТАНИНА

А. ОЛЕЙНИКОВА

В. КРЫЛОВА

С. ЛЮКШЕНКО

А. Климнюк

Об авторе

Андрей Климнюк – известный автор-исполнитель в жанре «русский шансон». На сегодняшний день вышло 26 сольных альбомов исполнителя на лучших рекорд-компаниях России и СНГ.

Родился в г. Минусинске (Красноярский край), школу окончил в Новосибирске. После окончания школы поступил Новосибирское Высшее военно-политическое училище, по специальности заместитель командира воздушно-десантной роты по политической части. По окончании училища был направлен для прохождения службы в ограниченный контингент советских войск в Афганистане, в должности заместителя командира разведроты. За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, награжден орденом Красной звезды и медалью «За отвагу», так что автор знает о войне не понаслышке. Данная книга – проба пера в прозе, желание рассказать о реальных людях, событиях того времени. Описать увиденное на той войне глазами простого окопного офицера!

К читателю

Будучи в Афганистане, я делал время от времени записи всевозможных событий, происходивших в нашей жизни, в надежде, что когда-то эти записи увидят свет, найдут своего читателя.

Поверьте, это не красивая легенда об «афганской» войне, а моя попытка рассказать о нас, простых ребятах, шагнувших слишком рано на порог мужской зрелости. В этой книге я попытался поведать читателю об увиденном и пережитом мною, простым, доступным языком.

Рассказать какую видели войну мы – солдаты, сержанты, взводные и ротные, на чьи плечи легла тяжелая ноша этой войны. Это книга о нас, о тех, благодаря которым, Советский Союз вынес десятилетнее испытание этой «необъявленной» войной, показав всему миру преданность идеалам и высочайший дух советского солдата.

Несомненно, у нас разное понимание и видение Афганской войны, чем у Громова или Варенникова.

Эта книга для наших потомков, которые должны понимать, что сегодня, когда в государстве отсутствует всякая идеология, а идеалом стала нажива любым способом, любой ценой, эти поколения знали и помнили, что была такая непростая война, унесшая тысячи жизней. **ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПАВШИМ ТАМ НАШИМ РЕБЯТАМ!**

Говоря кратко, эта книга о реальных событиях, происшедших на той, уже все больше уходящей от нас в глубину десятилетий войне!

*Надели нашу память на штыки
Мы будем вечно помнить, как когда-то
На пулеметы или не штрафники
А мирные и честные ребята...*

**ПАМЯТИ ПАВШИХ
ВО ИМЯ ЖИВЫХ,
РАДИ ПРАВДЫ!**

Глава 1. Офицеры

*Но прошли эти годы,
И настало то время,
Лейтенантские звезды
На погонах взойдут,
И забьётся сердечко,
Когда новое племя
Совсем юных мальчишек
Лихо нам козырнут...*

Всё позади. «Золотой», «куражный» лейтенантский отпуск. Нас ожидала служба, которая сулила каждому из нас разные возможности. Открывала, как нам тогда казалось, необозримые перспективы. В общем, все было как в одной из песен отряда специального назначения «Каскад»:

«Все собрали, уложили скромные пожитки, и получку получили, пропились до нитки.

Местных женщин, скромниц местных тихо отлюбили, погрузились, полетели и про них забыли!».

Из всего выпуска нашего военного училища 1986 года, 75 человек было направлено в распоряжение командующего Краснознамённого Туркестанского военного округа, который тогда считался воюющим округом, так как на протяжении семи лет полыхала Афганская война, как сказали бы нынешние «говорящие» головы – с оппозицией.

После Сибири, Ташкент поразил нас своим изобилием, уважительным отношением к военным – в общем, «хлебный» город! Соответственно, мы – молодые офицеры, уже успели отметить себя во многих ресторанах Ташкента. Особенно полюбился нам «Заравшан». Частенько посиживали и в «Голубых куполах», за что имели неоднократные, нелепые беседы с патрулем.

Помню, утром нас собрали в Политуправлении округа, где долго беседовали с нами о перспективах. Потом объявили, что согласно постановлению ЦК КПСС женатые офицеры, не имеющие квартир на территории Союза, в Афганистан не поедут, они остаются в Союзе. На их лицах читалась неподдельная радость. Поползли разговоры, что в этом 1986 году в Афгане ожидается большая замена. И разговоры эти были небеспочвенные. Именно в 1986 году отмечается резкая активация бандформирований моджахедов. Наша армия в этом году потеряла 216 человек только одного офицерского состава, не считая солдат, прапорщиков и др.

В 1986 году согласно статистике было сбито около 60 советских самолетов и вертолетов. Вот такая обстановка была в Афганистане на момент нашего пребывания в Ташкент для дальнейшего прохождения службы!

У многих, не желающих ехать, эти разговоры вызывали нервное напряжение. Где-то через сутки стали получать предписание: кому, куда и когда прибыть для дальнейшего прохождения службы. Кто-то остался секретарем

комсомольской организации медицинского батальона где-то в Чарджоу. Кому-то повезло поменьше – они уехали замполитами рот охраны на военный аэродром в город Ханабад. Оказалось, что Туркво, это не только Афган, это ещё с десятков «тёплых» мест для службы. Нас, несколько десятков холостых офицеров, отправляют в Туркмению, город Геок-Тепе, в батальон офицерского резерва.

Соответственно, каждый из нас понимал, что рано или поздно нас отправят «за речку», поэтому еще находясь в Ташкенте, мы продолжили наши офицерские загулы в различных ресторанах, где перезнакомились с офицерами – «афганцами», которые поведали нам немало интересного об Афганской войне. Именно от них я впервые услышал ставшие потом привычными названия Панджшер, Желалабад, Кандагар, Баграм и т. д. Мы смотрели на этих офицеров, как на богов, хотя многие из них были почти нашими сверстниками, но они были ТАМ! Если честно, нам хотелось быстрее «за речку» испытать себя, проявить. Возможно, это был юношеский максимализм, который наверное тоже был присущ тем юнкерам в 1917 году, которые помогали защищать Зимний дворец от пьяной, уделанной наркотиками «революционной» матросни.

Мы ещё общались по нормальному с теми нашими выпускниками, кто «отмазался» от поездки «за речку». Потом жизнь резко разделила наши судьбы и определила наши отношения на долгие годы.

Моджахеды (араб.) – боец за веру, участник джихада, повстанец.

«за речку» (солдатский сленг) – в Афганистан

Глава 2. Батальон офицерского резерва

*Там за горизонтом, там – веселье,
Там шумит вечерний ресторан,
Здесь гуляет ветер по ущелью,
Здесь в ночной пыли – Афганистан.
Там за горизонтом солнце светит,
Там, где полседьмого на часах,
Здесь сбивает с ног афганский ветер, Здесь
Афгана пыль скрипит в зубах.*

*Там бутылки с пивом открывают, Полные
бокалы пьют до дна,*

*Здесь воды во фляге не хватает, А на пятерых
она одна.*

Прошла неделя, наконец-то конкретно определили кого куда. Нас человек 30 отправили, как и обещали в Политуправлении округа, в батальон офицерского резерва, под Ашхабад, в небольшой городок Геок-Тепе. Там нам сразу выдали «эксперементалку» («афганку»), тогда в Союзе она была большой редкостью, достать её было нереально, и мы гордо вышагивали в этой новенькой форме. Комбат, командиры батальона офицерского резерва – все прошли Афган, поэтому относились к нам без командирского фанатизма, в основном беседовали, рассказывали о разных ситуациях

во время боевых действий, о том, как себя вести, как руководить личным составом и т. д.

Жизнь, есть жизнь. У некоторых, которые прибыли с нами в батальон и им, как и нам, лежал путь «за речку», вдруг начали всплывать какие-то с в я з и.

Батальон офицерского резерва 1986 г.

Некоторые перевели в резерв Политуправления округа, а один наш выпускник, не хочу называть его фамилии, чтобы не поехать в Афган, стал секретарем комсомольской организации батальона, которая вместе с бойцами роты обеспечения насчитывала не более 45 человек.

Мы же, простые пацаны рабочих окраин, зная, что для нас иной дороги кроме Афгана нет, проводили свои дни, а особенно вечера и ночи в Ашхабаде. За период пребывания в батальоне резерва посетили почти все приличные рестораны Ашхабада.

Все когда-то заканчивается. И вот в октябре 1986 года начались движения. Начали по 3—5 человек из батальона резерва отправлять в Ташкент, но явно не за новым назначением в какую-нибудь группу войск, типа Германия, Венгрия и т. д. Мы очень тепло прощались, ведь у нас за плечами были четыре года учёбы в родном училище, при этом понимая, что война способна разлучить нас навсегда. Все мы уезжали на войну, наша лейтенантская юность **ЗАКОНЧИЛАСЬ!**

Прибыл в Ташкент, опять беседы в Политуправлении о значимости партийно-политической работы в условиях ведения боевых действий. В конце беседы всем выдали синие служебные паспорта для пересечения государственной границы с Афганистаном, приказали к такому-то часу прибыть на ташкентскую пересылку для по-

следующей отправки в Афганистан. Соответственно, выйдя из штаба округа и уже почувствовав себя почти людьми войны, по старой офицерской традиции скинулись и взяли где-то водки, закуски, примостились в каком-то сквере Ташкента и отметили начало нашей по-настоящему военной карьеры.

На этой фотографии ребята из батальона резерва офицерского состава провожают меня в Ташкент, в штаб округа. Каждый понимает, что следующей встречи может и не быть.

Что нас ожидало в Афгане?

Конечно, каждый мысленно задавал себе этот вопрос, каковы перспективы? Опять патруль, но увидев в наших руках

синие служебные паспорта, усталый майор, начальник патруля, махнул рукой и с болью в голосе тихо произнёс: «Ребята едут на войну».

Глава 3. Ташкентская пересылка

С Ташкентской пересылкою

С последнею бутылкою

Простились и айда!

Воздушным сообщением

В другие города.

Ташкентская пересылка – это что-то невообразимое, особенно для молодого лейтенанта, впервые попавшего сюда. Кажется, что жизнь здесь течет своим чередом, не подчиняясь никакому внутреннему распорядку и Уставу. С утра до вечера или ночи, гуляет от вольного до последнего рубля, в ожидании своего «борта» на Афган разный люд:

«заменщики», отпускники, командировочные. То тут, то там слышится смех, перебор гитары, рассказы, короче, всевозможные афганские байки. Мы, молодые, слушали этих видевших жизнь, опалённых войной людей, как замороженные. Помню, один подвыпивший прапорщик рассказывал про своё участие в одном из боёв. Это не могло не вызвать смеха у окружающих – речь его была такова. К тому же он сильно картавил:

«Падаю, стгеляю, кувыйкаюсь, стгеляю. Попадаю борода-тому в голову, а он жив собака. Опять падаю, кувыткаюсь, стгеляю, наконец «завалил» суку!». Вот такой акробат, прапорщик, насколько я помню, из какого-то автомобильного

батальона. Но больше всего мне запомнился очень колоритный майор с желтыми прокуренными усами и лицом, сплошь покрытым черными пороховыми точками. На все вопросы «где лучше, где хуже «за речкой» он отвечал поэтическими прибаутками. Например:

«Если хочешь жить как „туз“ – поезжай служить в Кундуз», «Если хочешь пулю в зад – поезжай в Джелалабад», «Если хочешь жить в пыли поезжай в Пули-Хумри». Ташкентская пересылка это кладезь анекдотов и рассказов.

Нам, лейтенантам после училища, всё, что здесь происходило – казалось хаосом. Как-то в этом хаосе нас нашли посыльные и сказали, что нам необходимо сделать какие-то прививки в медсанчасти. Нашли санчасть, нам поставили прививки под лопатку, не помню от чего, но от гепатита они меня «за речкой» не спасли, это точно.

«Борта» улетали на Афган с военного аэродрома «Тузель». Когда объявляли вылет, многие вмиг трезвели. Пересылка приходила в какое-то немыслимое движение. Сумки, чемоданы, шинели, бушлаты – всё умело связывалось, и их хозяева ехали на погрузку в «Тузель».

Прибыли в «Тузель»: гул турбин, стоят легендарные ИЛ-76, с которых мы не раз десантировались на стажировках, будучи курсантами. Из-за гула турбин собеседника не слышно, кто-то показывает, что надо подойти к представителю таможни – он отмечает дату пересечения советской границы. Все на «борту» вроде расселись. Посредине стоят

какие-то контейнеры, невозможно даже ноги вытянуть. Рядом со мной девушка, как и я впервые летевшая в Афганистан, в каком-то ситцевом летнем платьице. По самолету ходит усталый, слегка подвыпивший борттехник, помогает новичкам надевать парашюты и рассказывает, как с ними обращаться в случае чего. На нервные вопросы: «А что, могут сбить?», техник важно и задумчиво отвечает:

«Всякое бывало». Подходит к моей соседке:

«Ноги раздвинь», а она в ответ: «Не поняла?». Парашютная система проходит между ног, откуда этой девчужке (по-видимому, летевшей «за речку» работать либо продавщицей, либо официанткой в офицерской столовой) знать об этом. Из уст техника полетел забористый мат: «Ты здесь не одна, взлетать пора...». Короче, объяснили и одели парашют на девчужку. Ру ёж, взлёт, всё – прощай Союз! Многие начали засыпать, самые неугомонные допивали то, что не успели «добить» на пересылке. Я лечу, размышляю, что там ожидает – типично лейтенантские мыслишки.

Вдруг, вой сирены прерывает мои размышления и голосом типа Левитана по бортовому радио звучит: «Товарищи, пересекаем государственную границу Союза Советских Социалистических Республик». И где-то внутри себя я понял, что лейтенантская юность закончилась, что лечу я на реальную войну, а там, как говорится «Как карта ляжет!». И так, нас ожидал Кабул!

Глава 4. Кабул. Назначение

*Шли по трапу, судьбе и «заменщикам»
По упругому трапу, ступая на твердь полосы,
Лейтенанты – мальчишки,
Майоры – папаши и женичины
У которых в Союзе долги,
Да при бабушке сын...*

Раннее октябрьское утро, лёгкий кабульский холодок. Мы в Кабуле! Быстро и умело нас разместили в «модули», выдали талоны на питание. Так мы оказались на знаменитой кабульской пересылке. Делать нечего: ходили, знакомились, разговоры о доме, о назначениях и прочие. Вечер, отбой, легли спать, чемоданы рядом с кроватями. Из динамиков то и дело слышатся фамилии улетающих: кто в Баграм, кто в Кандагар и т. д.

Утром собрали нас всех прибывших политработников и привезли в политотдел 40-ой армии, который, как и штаб армии находился в легендарном дворце Амина (Тадж – Бек). Сколько легенд я слышал, будучи курсантом о его штурме. Завидовал этим мужчинам, тем, кто штурмовал дворец в декабре 1979 года, завидовал этим людям, практически творившим историю.

Внешний вид дворца ещё кое-где сохранил следы штурма. Следы осколков, пуль и снарядов не были замазаны или за-

крашены. Всё во дворце солидно: огромные массивные двери кабинетов, просторные коридоры. Мы даже ходили в туалет, как сказали нам местные офицеры, в нем до штурма была ванная комната жены Амина!

Модули – сборное, каркасно-щитовое строение.

Дворец Амина (Тадж-Бек), как сказали нам местные офицеры, в нем до штурма была ванная комната жены Амина!

Вот нас по одному вызывает к себе начальник отдела кадров политотдела армии подполковник Соснов. Он выпускник нашего училища, доброжелателен в общении. Захожу. Представился. Начинаем общаться.

Хочу реально воевать. Окончил десантную роту. Готов в любую часть ВДВ или спецназа.

Соснов в ответ мне по-отечески:

Запомни принцип любой войны: «Умный – наживётся, красивый – на... ся, дурак – навоюется». Тебе, как земляку, предлагаю место замполита роты охраны штаба армии. Всегда на виду, звание получишь во время, орденом тоже здесь не обойдут. В разговоре я продолжаю настаивать: «Только туда, где реально воюют», говорю, что я готовил себя к этому все четыре года обучения в училище.

Ответ Соснова: «Иди подумай».

Вызывает опять:

Что лейтенант, одумался?

Нет, настаиваю на своем.

Ладно, черт с тобой. Мест в ВДВ сейчас нет. Поедешь реально воевать, замкомандира разведывательной роты в Руху, в Панджшерское ущелье.

Выхожу из кабинета, у дверей «заменщики»:

Куда молодой?

Руха.

Ты что, даун? Там замполит разведроты три месяца ждёт замены – нет желающих. Там в Рухе ежедневно один – два «200-х», подрывы, обстрелы ежедневно. Каждую колону «долбят» не глядя, как на полигоне».

Конечно, после таких разговоров что-то предательски учащённо застучало сердечко. Возвращаюсь в кабинет к Соснову:

Извини, вот старлей из Свердловска будет здесь в роте

охраны, я ему уже предписание выдал. Хотел быть героем – будь им.

Вот так моя «афганская» судьба была решена. Мне предстояла нелёгкая, но интересная служба в легендарном Рухинском полку.

После назначения нас всех опять доставили на кабульскую пересылку. Почему-то постоянно хотелось есть, наверное, потому, что в местной столовой по выданным нам талонам кормили убого. Тянулись часы, наступил вечер, а потом и незаметно подкралась афганская ночь. Дремал на своей кровати, ждал, что вот-вот произнесут мою фамилию на вылет в Баграм, в штаб дивизии, в полк, в котором мне предстояло служить. В четвертом часу утра из динамика в «модуле» слышались фамилии: «прапорщик такой-то, капитан такой-то», – и, наконец, – «Лейтенант Клиمنيук – на вылет на Баграм». Темно. Состояние полудремотное. Руку оттягивает чемодан. Погрузились на «борт», опять парашюты, опять ночной, быстрый перелет до Баграма.

Приземлились, садимся на БТР (ы). Уже рассветает. Колонной двинулись в штаб дивизии. Прибыли в дивизию, всех разместили в гостиничном «модуле», сказав, что завтра утром пойдут «вертушки» на Панджшер, в Руху.... Переночевали под канонады наших «Градов», которые всю ночь «работали» по невидимым, известным только им целям.

В пятом часу подняли, привезли на «взлетку» в Баграме. Свист вертолетных лопастей, движение. Сели в «вертушку»,

одеди парашюты. Я сел возле иллюминатора, рассвело.

Борт техник: «Ну что, покойнички, полетели!»

«Вертушка» нервно задрожала, поднялась в воздух и взяла курс на Панджшер.

Гляжу в иллюминатор – внизу все коричневое и тоненькой синенькой лентой петляет какая-то река. В голове мелькнула мысль: если собьют, какой смысл прыгать, кругом горы, все равно разобьешься о скальник, при любом раскладе. Начал дремать...

Глава 5. Место службы – Руха (Панджшер)

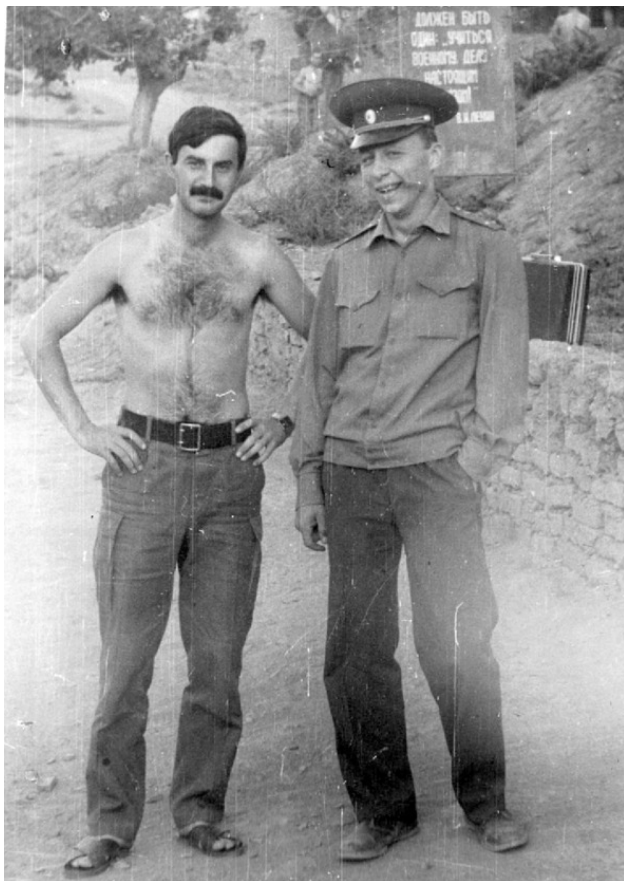
Наконец-то сели. Лопасты «вертушек» работают. Утро. Октябрь. Прохладно. Ветер рвёт неуместную здесь фуражку с моей головы.

Ко мне подбегают бойцы, хватают мой чемодан. Тут же подбегает «заменщик» Володя Липский – он ждал меня целых три месяца!

Не успеваю толком осмотреться, что из себя представляет этот полк. Нет казарм, не видно, как положено, плаца. Заходим в казарму – удивлён, ведь казарма под землей. Но в ней соблюдены все уставные положения, даже присутствовала ленинская комната. Знакомимся с ротным, ко м а н д и р а м и в з в о д о в. Р о т н ы й с т р о и т подразделение, представляет меня. Даёт старшине роты команду показать полк, в общем, рассказать что к чему. На всё про всё – трое суток. Располагаюсь. В роте традиция: все офицеры спят со своими подразделениями, а не в офицерской комнатёнке. Мне достаётся первый взвод. С т а р ш и н а в ы д а ё т к у ч у в с е г о: о т «эксперименталки», «горки», до бронежилета, каски и автомата. В общем, ощущение, что попал реально на войну у меня уже присутствует.

И так, постараюсь кратко рассказать, что представлял со-

бой 682 МСП, он же знаменитый рухинский полк. Как я уже писал выше, единственная казарма (и та под землей) была расположением моей роты. Остальной полк жил в брошенных местными жителями и частично разрушенных домах, создав определенный уют, обшив глинобитные стены досками от снарядных ящиков. Плац представлял собой небольшую, более

Первые минуты пребывания в полку с «заменщиком» В. Липским

Один из первых снимков в Рухе с офицерами части. Октябрь 1986 год.

Со старшиной своей роты. Руха (Панджшер) 1987 год.

Со командиром роты С. Пасичником. Руха (Панджшер)
1987 год.

С командиром взвода Муратовым. Руха (Панджшер)
1987 год.

Офицеры нашего полка на «боевых». Руха (Панджшер)
1987 год.

Офицеры нашего полка на «боевых». Кишлак Даштяк.
Руха (Панджшер) 1987 год.

Командир взвода С. Хухарев, техник моей роты Е. Кри-
женовский

на проводке колонны по Панджшеру. Кишлак Даштак.
Август 1987 года

– менее ровную площадку, с растущими посередине дере-
вьями. И, конечно, с неизменными портретами Членов По-
литбюро ЦК КПСС. Кроме всего прочего присутствовала
офицерская столовая для управления полка. Мы питались
и мылись в своих подразделениях. Полк был расположен
в низине: справа и слева горные массивы, ущелья, шумела
бурная горная река Панджшер, посередине части пробегала
горная речушка Пьявушт. Казалось, что жизнь здесь про-
текает достаточно спокойно: здесь не увидишь марширую-
щих бойцов. Первое моё впечатление – какое-то сонное цар-

ство, но, как правило, первое впечатление всегда обманчиво. Практически через день – два полк подвергался обстрелу реактивными снарядами. В этом случае все разбежались по укрытиям, потом через определенное время жизнь опять «закипала».

Не скрою, что наш полчок был местом для ссылок всевозможных «залетчиков» разных категорий и рангов: от бойцов до командиров рот. Со мной служили и выпускники Рязанского училища ВДВ и Московского училища имени Верховного Совета, т.е. контингент части был не из простых.

Дальше Рухи полностью отсутствовали какие-либо советские подразделения, за нами стоял «надежный» заслон – 2-я пехотная дивизия афганской армии (так называемые на нашем «афганском» жаргоне «зелёные»). Они базировались в родовом кишлаке «панджшерского льва» Ахмад Шаха Масуда, в Базараке.

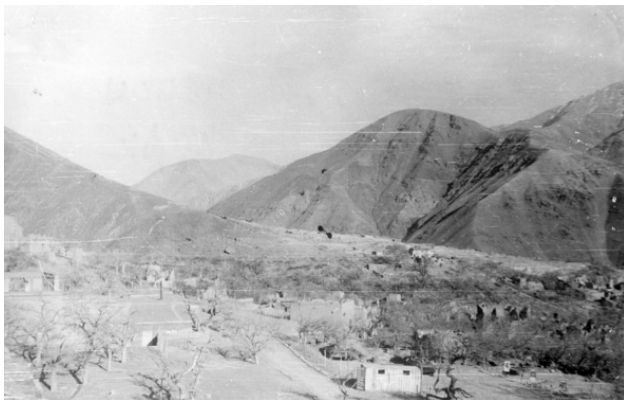

Моджахеды полевого командира Ахмад Шаха Масуда при совершении намаза. Панджшер 1987 год.

Чтобы у читателя сложилась более ясная картина в каких

условиях жил и выполнял, причем достойно, поставленные задачи наш полк, вашему вниманию несколько фотографий.

Подземная казарма нашей роты, на крыше вытоптанная часовыми тропинка. Справа парк, капониры, со стоящими в них БТРами.

А сейчас дорогой читатель, совершим небольшую экскурсию в историю возникновения Рухинского полка. С 1981 по 1983 год в Рухе находился второй батальон спецназа ГРУ под командованием подполковника Керимбаева (легендарный керимбаевский батальон). Этот батальон, при поддержке естественно нашей авиации, практически вытеснил отряды Ахмад Шаха Масуда в дальние горные массивы Панджшера. На одном из концертов, кажется в Забайкалье, мне посчастливилось познакомиться с сержантом этого ба-

тальона. Он многое мне поведал о тех событиях, о том, что именно в Рухе была легендарная встреча Ахмад Шаха Масуда с представителями советского командования. О том, что бои происходили практически за каждый кишлак. В 1983 году батальон Керимбаева ушёл на место постоянной дислокации в Газни и до апреля 1984 года Руха пустовала. В апреле 1984 года из Баграма колонной в Руху прибыл на постоянную дислокацию наш полк. Это было очень тяжелое время для наших однополчан. В период с апреля по октябрь 1984 года полк понес самые большие потери в своей истории, потеряв только убитыми 254 человека. В ноябре 1985 года произошла ещё одна полковая трагедия. Из Хабаровска прибыл молодой комбат, получив приказ выдвинуться к вершине горного массива, он повел батальон в горы без тёплых вещей, валенок и т. д. При подъеме выше пошел снег, затем началась метель, часть батальона начала подрываться на минах – карты минных полей просто не существовало. Мины ставили и наши, и «духи». На всевозможных тропинках и перелогах.

«духи» (солдатский сленг) – душманы (враги), члены бандитских вооруженных формирований

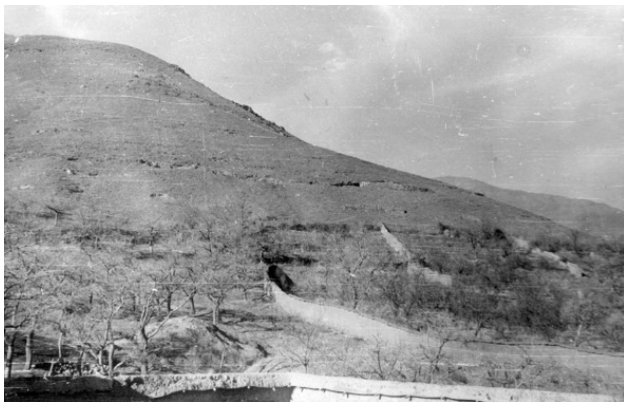
Вид полка с более высокой точки.

Весь Панджшер разрезан всевозможными большими и малыми ущельями.

Вот в таких домах жили подразделения полка, создав максимально возможный уют.

Это дувалы, которые до войны определяли территорию зе-

мельных угодий ушедших с Масудом жителей.

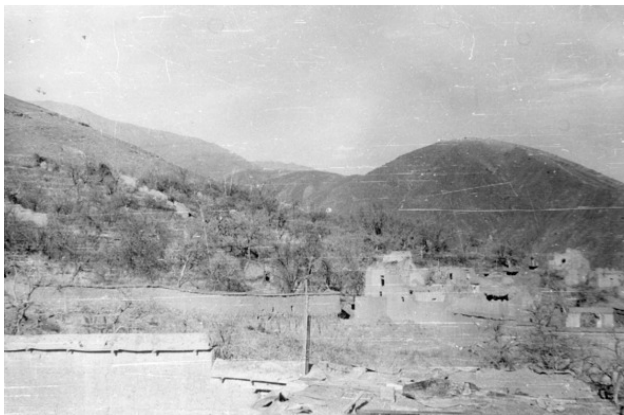
Некоторые кишлаки после бомбардировок были полностью уничтожены. Именно в этот период 1982—1984г.г. развернулась массовая операция за овладение нашими частями Панджшерским ущельем.

Еще один ракурс: перевалы покрытые снегом.

Разрушенные дома, последствия авиаударов нашей авиации в период 1982—1984 г.г.

Люди Ахмад Шаха практически не сдавали без боя ни одного кишлака.

Разрушенные дома, последствия авиаударов нашей авиации в период 1982—1984 г.г.

Вот такие картины прошедших боев можно увидеть практически на каждом километре Панджшерского ущелья.

Какова же была мощность фугаса, чтобы башня танка отлетела на 30 метров в реку от дороги.

Знаменитые реактивные снаряды Китайского и Египетского производства, которыми регулярно обстреливали наш полк «духи». РСы захвачены во время операции в районе ущелья Хисарак в 1986 году.

Стенд нашего полка «Боевой путь части».

В том же году, если не ошибаюсь, полк провел крупномасштабную операцию с целью ещё дальше загнать моджахедов Ахмад Шаха в горные массивы на Пишгорский крест. Здесь, впервые наверное, в истории боевых действий, боевая техника шла по горным мелководным речкам, чтобы исключить случаи подрыва бронетехники.

Как я уже писал, я прибыл в полчок в октябре 1986 года. Мне крупно повезло, что таких сражений, как в 1981—1985 годах уже практически не происходило. Но полк жил в постоянном напряжении, любая проводка колонны по Панджшеру (скажу без ложной скромности), любой подъём на высокогорные посты боевого охранения с целью до-

ставки продуктов, боеприпасов, воды – превращались здесь в реальные боевые операции с огневым противодействием моджахедов. В общем и целом, несмотря на тяжелые бытовые и прочие условия, полк не просто выживал, а выполнял всевозможные возложенные на него боевые задачи.

Стихотворение с долей определённой иронии посвящено нашему полку. Каждая строка соответствует действительности жизни, нормам поведения в той Афганской войне!

Знают низы и знают верха,
Что непреступная крепость – Руха,
Любой, кто полезет к нам- будет разбит,
Душман, гепатит и энтероколит.

Но надо порядок запомнить такой,
Не пить никогда из посуды чужой.
С тропы не сходить, коль совсем не в терпеж,
Руками не брать, если что-то найдешь.

Коль пули, РС (ы) и мины свистят,
Уйми любопытство, здесь не детсад.
Героем посмертно стать не спеши,
Сначала все взвесь, а потом уж реши.

Раз в горы ходил, в грудь себя не стучи
И как воевать сразу всех не учи,
Учти, что и скромность не зря нам дана,
Не требуй нахально себе ордена.

Внимательным будь и смотри в оба глаза,
Не пуля тебя не возьмет, ни зараза,
Но, помни, что здесь на 2 года вперед,
Гарантий никто никому не дает.

Наш полк дал стране двух Героев Советского Союза: Гринчака и Шахворостова. И, поверьте мне, служа в Рухе, находясь вдалеке от цивилизации, от штабных всех мастей не так просто получить такую награду, тем более как уже писал выше, полк был «не на самом хорошем счету» в дивизии. И регулярно к нам отправляли на перевоспитание офицеров из других частей дивизии.

Вспомнил такой важный момент: отсутствие местных жителей исключало продажу и употребление наркотиков, чем были заражены многие части в Афгане. Ведь вся связь с внешним миром – это колонна или вертолёт. Колонны тщательно проверялись офицерами подразделений и особистом. Но зато вся дивизия знала, какого качества рухинский самогон! Ох, был хорош, чертяка!

Знамя нашего полка

Редкое событие нашего полка – построение на плацу

Полк жил, полк выполнял поставленные задачи. Случалось всякое. Как на любой войне были герои, были и так называемые «залетчики». Ведь даже повзрослев в бою, обретя мужество, боевой опыт, бойцы всё равно оставались 18—20 – летними хулиганистыми пацанами окраин. Гаупт-вах-

та естественно в Рухе отсутствовала, наряды особо никого не пугали. Каждое подразделение части имело свои методы воспитательной работы. У нас практиковался следующий: боец совершивший про ступок, одевал каску, бронежилет, брал лом и по приказу ротного или взводного долбил за расположением роты скальную породу. Цель – сделать траншею, лом отлетает от породы в руках где-то на метр, а каждый удар в лучшем случае оставляет в камне лишь небольшой скол. Но самое страшное наказание для бойца было: не взять его на боевые, на сопровождение колонны и т. д. Никакой «дедовщины» у нас не было, было просто уважительно- заслуженно е отношение к старослужащим не только со стороны солдат, но и офицеров. Ведь эти, получившие в свои неполные 20 лет настоящий боевой опыт пацаны, всегда были первыми помощниками нам – офицерам. Я никогда не стеснялся советоваться со старослужащими в различных боевых ситуациях, а потом принимал решение.

Сейчас вспоминаю этих ребят только добрым словом. Мне, молодому лейтенанту, приехавшему на войну, они во многом помогли. Помогли моему становлению, как офицера!

Еще мы с ротным не допускали, чтобы бойцы роты уезжали на «дембель» без боевой награды.

Только что прибывшее в Панджшер молодое пополнение из «учебки»

Пусть «залетчик», главное – его поведение в бою, на операции. Порою до хрипоты спорили за того или иного воина с замполитом части. Особенно жесткие словестные перепалки были с полковым бездельником – секретарём парторганизации части. Что-то я даже не припомню, чтобы он ходил в колонах, на сопровождение и т. д. Девиз таких партработников был таковым: «Все м о з а б о ч е н , н о н и з а ч т о н е о т в е ч а ю», «Рот закрыл – рабочее место убрано».

Была в нашей роте добрая и довольно удачная в воспитательных целях традиция – вручать оружие ушедших дембелей молодому пополнению. Вручая, повидавшие многое и многих автоматы молодым, всегда был краткий рассказ о прежнем хозяине. Например: «Этот автомат сержанта Че-

реды, кавалера ордена „Красной Звезды“, будь достоин славы прежнего хозяина оружия...».

Хочется написать правдивую историю, без преувеличения. Любая война, любая сложная жизненная ситуация раскрывает сущность человека. Примеров тому не мало – ведь на любой войне, да и в нашей жизни, уживаются, идут параллельными курсами героизм и трусость, подлость и порядочность. Кто-то месяцами ждал своей заслуженной награды, а его наградной лист постоянно возвращали обратно, по причине имеющегося выговора по партийной линии. А прапорщик – начальник вещевого склада полка в день присвоения командиру части звания полковник, где-то достал для него в Афгане полковничью папаху. За что уехал в Союз, особо естественно это не афишируя, с медалью «За боевые заслуги». И таких примеров множество!

Вручение боевого оружия молодым.

Чистка оружия. Проводит и контролирует сержантский состав нашей роты. Панджшер, Руха, весна 1988г.

Кто реально воевал, те, несомненно, подтвердят каждое моё слово.

Просто обидно порою становится, Друг!
За тушенку награды дают,
А ведь вернувшись на матушку – Родину,
Эти «герои» про пули поют...

Да позволит мне читатель пофилософствовать на тему судьбы человека. Не знаю насколько и в кого я уверовал

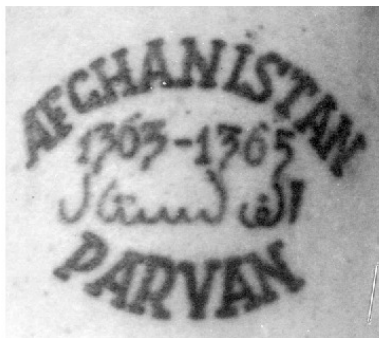
«за речкой», но понял, что каждому по этой жизни что-то отмерено, что-то кому-то дано, а у кого-то наоборот отобра-но! Приведу вам ряд примеров о значении судьбы. Не сочтите меня каким-то мистиком – нет, я вполне реалист. Весна 1988 года. Группа «дембелей». Обнимания, прощания, фото на память. Мы, офицеры, естественно участвуем в этом мероприятии. Минут через 30 за дембелями прилетят из Баграма «вертушки» и начнется их путь домой. Свист, знакомый до боли – метрах в пяти от бойцов разрывается реактивный снаряд. Все целы, ни одной царапины, а вот маленький кусок металла лишил жизни рядового Иванченко, попав ему прямо в висок. Что это? Предначертание свыше? Или другой пример. На кабульский аэродром прибывает борт из Союза. Люди выходят под теплое кабульское солнышко – вдруг обстрел аэродрома. «Духи» бьют «РСами». Только что прибывший капитан получает тяжелейшее ранение в спину и практически на этом заканчивается для него Афганская война.

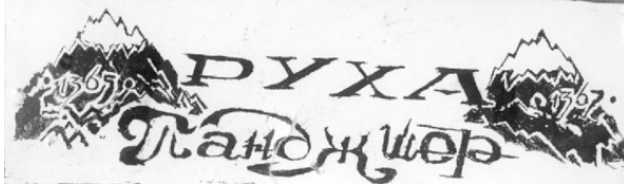
РС – реактивный снаряд

Что это – загадка судьбы. Почему из всех прибывших осколки достались именно ему? Несколько офицеров полка поехали на БРДМ проверять своих подчиненных на блок-постах. Ничего не предвещало беды. Дорога по Панджшеру до боли знакома каждому. БРДМ набирает скорость. В это время отказывают тормоза и машина улетает с высоты порядка 10 метров в реку Панджшер, ударяясь при этом о прибрежные валуны. Никто после такого падения не выжил. Все

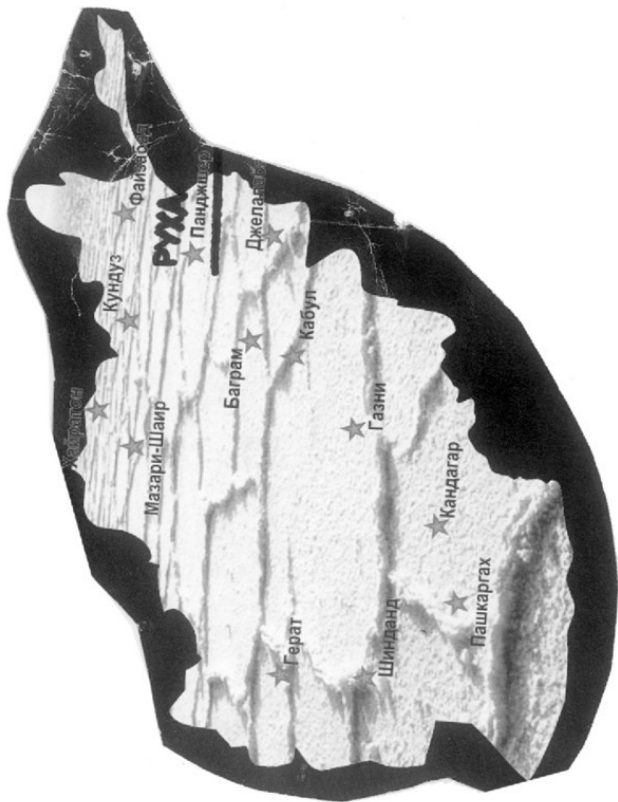
травмы были несовместимы с жизнью.

Сидим с начфином части Олегом Шараевым, играем на солнышке в нарды. Вдруг свист (если свист слышишь, то «РС» или мина – не твои, так поговаривали «за речкой»). Недалеко от нас двое бойцов заняты чем-то своим, не помню точно, толи письма писали, толи читали. Снаряд разрывается в метре от них. Один, как ни в чем не бывало, ни царапины, другой сразу «200-й». Мы с начфином и бойцом бегом понесли тело в медсанчасть – может есть надежда? Но, увы..! Так что это – промысел Божий, судьба, предначертание? Как тут не вспомнишь поручика Вулича из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», глава «Фаталист».

Сергей Боровиков – наш механик-водитель. После вручения ему медали «За отвагу». Один из не многих, кому, пройдя сотни километров по Афгану, удалось вернуться домой. СУДЬБА!

*Я увидел войну, но не в поднятой взрывами пыли,
И не в трассах прорезавших черную ватную тьму,*

*Там, в Панджшере, к нам на борт убитых бойцов
погрузили,*

Вот тогда-то я в самую душу войне заглянул!

Здесь не каждый погибший в бою, попадает в герои

Даже если при жизни ты был и отчаян, и смел

Вот мальчишка, вскочив из окопа, сбит пулей шальнойю,

Он не то, чтоб «ура», даже «мама» – сказать не успел.

Глава 6. Сопровождение колон по Панджшеру. Мой первый выход. Боевые действия

Полк жил своей обычной жизнью. Любой вывод нашей полковой автоколонны из Панджшера превращался в реальную боевую операцию. Я нисколько не солгу – это подтвердит любой, кто участвовал в таких действиях, что любой выход нашей колонны подвергался огневому воздействию «духов». А круче всего то, что по всему маршруту движения была развёрнута небывалая по масштабам минная война.

Впереди идут саперы со щупами и собаками и отряд сопровождения.

Поэтому кроме ПБО (постов боевого охранения), далее я их по «афганской» традиции буду называть заставы, стоящих на господствующих высотах Панджшера стационарно, выставлялись блоки из бронетехники в местах вероятного огневого воздействия моджахедов. Огромная роль принадлежала саперам. Низкий поклон этим парням. Скажу, что с 1984 по 1988 год наша саперная рота потеряла только погибшими 34 человека. Вы можете представить с какой скоростью двигалась колонна, если расстояние до Гульбахара около 15—20 километров (т.е. выхода из ущелья) преодолевалась за 6—8 часов? Нелегко приходилось водителям. Во-первых, по составу колонна разномастна: тут и КАМАЗы, и УРАЛы с приваренными в кузове ЗСУ (очень эффективное оружие для борьбы с ведущими огневое воздействие с вершин «духами»), БМП, БТР и т. д. А идти в колонне, соблюдая дистанцию – тяжелый труд. При этом, порою, колея проходит в 1,5 – 2 метрах от пропасти высотой 10—15 метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.